

УДК 070.15:316.77:351.862.22

**ЖУРНАЛИСТИКА В РЕЖИМЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ: МЕТОДЫ
И ПРОБЛЕМЫ****Ленкова Валерия Руслановна,**студентка, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, о. Русский, п.
Аякс, 10, Lenkovavaleria911@gmail.com**Аннотация**

Рост числа «каскадных кризисов» и сопутствующая им инфодемия ставят под сомнение эффективность традиционных редакционных практик. В статье анализируется специфика работы медиа в экстремальных условиях с целью выработки механизмов адаптации журналистских методов. Особое внимание уделено выявленному противоречию между императивом оперативности и критической необходимостью глубокой верификации данных в реалиях хаоса, а также этическим вызовам изменения роли репортера. Автор приходит к выводу, что результативность работы в зонах бедствий и конфликтов зависит от институционализации протоколов безопасности (включая цифровую гигиену), интеграции OSINT-инструментария, системной профилактики профессионального выгорания. Авторский вклад состоит в обосновании типологии чрезвычайных ситуаций, соотнесенной с конкретными медиастратегиями, и разработке прикладных рекомендаций по смягчению рисков для редакционных команд. Изложенные материалы адресованы медиаменеджерам, исследователям в области массовых коммуникаций, преподавателям журналистики.

Ключевые слова: верификация информации, журналистика чрезвычайных ситуаций, информационная безопасность, кризисные коммуникации, медиаэтика, протоколы безопасности, экстремальная журналистика

**JOURNALISM IN A STATE OF EMERGENCY: METHODS AND
CHALLENGES****Lenkova Valeria Ruslanovna,**student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russky Island, Ajax Settlement, 10,
Lenkovavaleria911@gmail.com**ABSTRACT**

The growing number of “cascading crises” and the accompanying infodemic call into question the effectiveness of traditional newsroom practices. This article analyzes the specifics of media work under extreme conditions with the aim of developing mechanisms for adapting journalistic methods. Particular attention is paid to the identified contradiction between the imperative of speed and the critical necessity of thorough data verification in chaotic

environments, as well as to the ethical challenges associated with the transformation of the reporter's role. The author concludes that effective work in disaster and conflict zones depends on the institutionalization of safety protocols (including digital hygiene), the integration of OSINT tools, and the systematic prevention of professional burnout. The author's original contribution lies in substantiating a typology of emergency situations aligned with specific media strategies and in developing practical recommendations for mitigating risks faced by editorial teams. The materials presented are addressed to media managers, scholars in mass communication studies, and journalism educators.

Keywords: information verification, emergency journalism, information security, crisis communication, media ethics, safety protocols, extreme journalism

Введение

Современный этап характеризуется перманентным ростом турбулентности, что ставит средства массовой информации перед беспрецедентными вызовами. Частота и масштаб чрезвычайных ситуаций (ЧС) – от природных катаклизмов, техногенных катастроф до вооруженных конфликтов – демонстрируют устойчивую тенденцию к увеличению. В этой связи журналистика, которая функционирует в условиях кризиса, преобразуется из простого ретранслятора событий в важнейший институт управления общественными настроениями и безопасностью. По-видимому, мы наблюдаем формирование особого субдисциплинарного направления – «журналистики чрезвычайных ситуаций» или, как ее часто называют в академическом дискурсе, «экстремальной журналистики».

Значимость научного осмысления данной проблематики обусловлена как усилением рисков для самих медиапрофессионалов, так и кардинальным изменением экосистемы потребления информации. На фоне кризиса аудитория испытывает острую потребность в верифицированных сведениях, однако парадоксальным образом именно в такие моменты информационное пространство наполняется фейками, дезинформацией, эмоционально окрашенным контентом, провоцирующим панику. Как представляется, классические методы редакционной работы оказываются недостаточно гибкими для реагирования на динамику современных угроз. Это требует пересмотра технологического инструментария (внедрение OSINT, анализа больших данных), этических кодексов, протоколов безопасности.

Методы

В качестве теоретико-методологической базы исследования выступают концепции «экологии коммуникации бедствий» (disaster communication ecology) и нормативные модели социальной ответственности медиа. Автор исходит из гипотезы, что эффективность журналистики в ЧС зависит не столько от оперативности передачи данных, сколько от способности редакций выстроить многоуровневую систему верификации и обеспечить психофизическую безопасность своих сотрудников. Также при подготовке статьи применены методы сравнения, систематизации, обобщения. Использован и ретроспективный анализ (в целях характеристики эволюции журналистики чрезвычайных ситуаций).

Результаты и обсуждение

Для корректного анализа специфики работы журналиста необходимо, в первую очередь, определиться с понятийным аппаратом. В российской нормативной практике под чрезвычайной ситуацией понимается обстановка, сложившаяся в результате аварии,

опасного природного явления, катастрофы, стихийного бедствия, которые способны повлечь за собой человеческие жертвы и ущерб здоровью [4]. Между тем, для медиаисследований указанное определение представляется несколько узким. В академическом контексте целесообразно рассматривать ЧС как любое событие, нарушающее привычный ход социальной жизни, требующее немедленного информационного реагирования в условиях высокой неопределенности и дефицита времени.

Существует множество классификаций ЧС. Однако для целей медиаменеджмента наиболее продуктивным представляется разделение как по генезису (природные, техногенные, социальные), так и по темпоральным характеристикам (внезапные, стремительные, умеренные). Это различие фундаментально влияет на выбор журналистских методов. Так, освещение внезапного землетрясения требует иных алгоритмов, чем работа в реалиях затяжного этнополитического конфликта или «ползучей» пандемии [2, 5, 9]. Впрочем, границы между этими типами становятся все более «размытыми». Природные катастрофы часто провоцируют техногенные аварии и социальные волнения, создавая так называемые «каскадные кризисы».

В таблице 1 представлена типология чрезвычайных ситуаций, соотнесенная со спецификой журналистских задач и возникающих рисков. Данная матрица помогает структурировать подходы к редакционному планированию.

Таблица 1 - Типология чрезвычайных ситуаций и специфика медиастратегий (составлено на основе [1-3, 6, 7])

Тип ЧС	Характер угрозы и динамика	Ключевые журналистские задачи	Специфические риски, проблемы
Природные катастрофы (землетрясения, наводнения, пожары)	Внезапный или стремительный характер. Масштабные разрушения инфраструктуры	Оперативное информирование о путях эвакуации, гуманитарной помощи. Визуализация масштаба бедствия	Отсутствие связи и электричества. Физическая опасность (повторные толчки, огонь). Эмоциональное выгорание от вида жертв
Техногенные аварии (выбросы АХОВ, взрывы, транспортные катастрофы)	Локальный или региональный масштаб. Высокая неопределенность последствий	Верификация технических данных. Объяснение рисков простым языком. Контроль слухов (антипаника)	Закрытость официальных источников. Сложность интерпретации научных данных. Риск химического/радиационного поражения
Социально-политические конфликты (войны, теракты, массовые беспорядки)	Высокая интенсивность, пролонгированный характер. Поляризация общества	Фиксация фактов нарушения прав человека. Фактчекинг сторон конфликта. Работа «в поле»	Прямая угроза жизни (обстрелы, плен). Пропаганда и цензура. Психологическая травма (ПТСР). Этические дилеммы «свой-чужой»
Санитарно-эпидемиологические ЧС (пандемии, эпизоотии)	«Ползучий» характер распространения. Глобальный охват	Научная коммуникация. Борьба с инфодемией и конспирологией. Анализ статистики	Риск заражения. Высокая сложность верификации медицинских данных. Общественная усталость и агрессия

Как видно из таблицы 1, каждый тип ЧС требует уникального набора компетенций. Если в случае с природными бедствиями журналист выступает скорее в качестве партнера спасательных служб, то в условиях военного конфликта его роль зачастую становится объектом манипуляций противоборствующих сторон.

Журналистика чрезвычайных ситуаций как самостоятельное направление профессиональной деятельности сформировалась не одномоментно, а в процессе длительной эволюции медиасистем, технологий передачи данных, общественных ожиданий. Ретроспективный анализ дает возможность заключить, что данный феномен прошел путь от эпизодических очерков очевидцев до сложной, технологически опосредованной системы кризисной коммуникации.

Исторически методы работы журналистов в зонах бедствий и катастроф преобразовывались под влиянием двух ключевых факторов: технического прогресса (сокращение временного лага между событием и сообщением) и изменения социальной парадигмы (имеется в виду переход от патерналистского сокрытия угроз к требованию прозрачности) [3].

В эволюции методов и проблематики целесообразно выделить три фундаментальных этапа. Каждый из них характеризуется специфическим набором профессиональных практик и этических дилемм.

Так, первый этап – эра «отложенного присутствия» (XIX в. – середина XX в.). На ранних стадиях, охватывающих период от Крымской войны и Гражданской войны в США до начала Второй мировой войны, освещение кризисов носило, главным образом, дескриптивный характер. Техническая ограниченность (использование почтовых голубей, а затем телеграфа) детерминировала метод работы. Журналист выступал в роли «литературного хроникера». Ключевой проблемой данного периода являлась хронологическая дистанция. Сообщения о катастрофах (например, землетрясении в Сан-Франциско 1906 года или гибели «Титаника») доходили до аудитории с задержкой. Это исключало возможность задействования медиа как инструмента оперативного реагирования или предупреждения. Журналистика фиксировала последствия, но не сопровождала процесс протекания ЧС. Впрочем, именно в рассматриваемый период зародилась традиция «экстремального репортажа», когда корреспонденты (такие как В. И. Немирович-Данченко или позднее Э. Хемингуэй) работали непосредственно в эпицентре событий.

Второй этап уместно охарактеризовать как эру аудиовизуальной синхронности и «эффект CNN» (1950-е – 1990-е гг.). Явный сдвиг произошел с распространением телевидения и спутниковой связи. Война во Вьетнаме, которая стала первой «телевизионной войной», и последующие техногенные катастрофы (Бхопал, Чернобыль) изменили онтологический статус события. Оно стало существовать только будучи показанным. Методологически анализируемый период ознаменовался переходом к прямому эфиру. Журналист перестал быть наблюдателем-аналитиком, превратившись в транслятора эмоций «здесь и сейчас». Возник феномен, получивший название «эффект CNN» – речь идет о способности круглосуточных новостных медиа провоцировать немедленную политическую реакцию на гуманитарные кризисы (к примеру, голод в Сомали или война в Персидском заливе) [7, 8].

В отечественной практике переломным моментом целесообразно считать освещение аварии на Чернобыльской АЭС (1986 г.) и землетрясения в Спитаке (1988 г.). Если в первом случае доминировала советская модель информационного вакуума и дозированной правды, то во втором – благодаря политике гласности – журналисты впервые получили возможность работать в режиме, который приближен к западным стандартам кризисного реагирования. Проблематика сместилась в плоскость этики (насколько допустимо показывать страдания жертв в прямом эфире и где грань между информированием и нагнетанием паники?).

Третий этап – цифровой поворот и «гражданская журналистика» (с конца 1990-х годов). Современный период характеризуется децентрализацией информационных потоков. Появление интернета, а затем социальных сетей, смартфонов привело к тому, что монополия профессиональных медиа на освещение ЧС была разрушена. Во время цунами в Индийском океане (2004 г.), урагана «Катрина» (2005 г.) и землетрясения на Гаити (2010 г.) первыми источниками визуальной информации становились не репортеры, а очевидцы. Методология работы журналиста претерпела фундаментальные изменения. На смену эксклюзивному сбору фактов «в поле» пришла кураторская функция: поиск, агрегация и,

главное, верификация пользовательского контента. Журналистика ЧС интегрировалась с технологиями Big Data и краудсорсинговыми платформами, помогающими создавать карты кризисов в реальном времени.

Между тем, технологический скачок породил новые риски. В реалиях «инфодемии» (термин, актуализированный пандемией COVID-19) скорость распространения дезинформации нередко превышает интенсивность распространения проверенных фактов. Журналист вынужден конкурировать за внимание аудитории с эмоционально окрашенными, но часто недостоверными сообщениями блогеров.

Итак, анализ исторического контекста позволяет выявить как технологические, так и функциональные сдвиги в профессии. Если в XX столетии журналист воспринимался как «привратник», контролирующий шлюзы информации, то в XXI веке он трансформировался в «верификатора» и «навигатора». Эволюция журналистики чрезвычайных ситуаций представляет собой движение от фиксации факта постфактум к управлению информационными потоками в режиме реального времени. Современная парадигма требует от специалиста не столько физической выносливости (как это было в эпоху «романтического репортерства»), сколько аналитических компетенций, навыков цифровой гигиены. Уместно предположить, что в ближайшем будущем развитие искусственного интеллекта и автоматизированной журналистики приведет к новому витку эволюции, где рутинные функции мониторинга ЧС будут делегированы алгоритмам, а за человеком останется функция этической оценки и смысловой интерпретации событий.

При чрезвычайной ситуации традиционные методы сбора информации (пресс-релизы, официальные комментарии, личное присутствие) нередко оказываются недоступными или неэффективными из-за разрушения инфраструктуры либо намеренной информационной блокады. Это обуславливает необходимость внедрения новых методологических подходов, которые базируются на цифровых технологиях и сетевом взаимодействии.

Во-первых, определяющее значение приобретает OSINT (Open Source Intelligence) – имеется в виду разведка по открытым источникам. Современный журналист, работающий с темой ЧС, обязан владеть инструментами геолокации по фото и видео, анализа метаданных, спутниковых снимков. Например, верификация пользовательского контента (UGC) становится основным способом получения картины событий из зон, куда доступ репортеров физически невозможен. Методика перекрестной проверки, когда данные из социальных сетей накладываются на спутниковые карты и погодные сводки, позволяет отсеивать до 90% фейков, которые генерируются в первые часы кризиса [2, 8].

Во-вторых, меняется сама философия работы с источниками. В хаосе ЧС официальные каналы зачастую запаздывают. Возникает феномен «горизонтальной журналистики», когда репортеры кооперируются с волонтерами, НКО, местными жителями для сбора данных. Между тем, здесь кроется серьезная методологическая ловушка: эмоциональная вовлеченность очевидцев подчас искажает факты. В этом контексте интересен опыт применения протоколов, подобных медицинской системе IBERO или TeamSTEPS, адаптированных для медиа: четкое разделение ролей в команде, стандартизированный обмен информацией, обязательный дебрифинг (разбор полетов) после каждого этапа работы [10].

Для более глубокого понимания различий в подходах к работе в разных условиях проведем сопоставление стратегий, представленное в таблице 2.

Таблица 2 – Сравнительный анализ журналистских стратегий в моделях «хаоса» и «контроля» (составлено на основе [4, 8, 9])

Критерий	Модель «информационного хаоса» (напр., первые часы землетрясения)	Модель «контролируемого нарратива» (напр., военный конфликт, режим КТО)
Доминирующий источник информации	Фрагментарный UGC, свидетельства очевидцев, данные мониторинга	Официальные сводки, пресс-службы силовых ведомств
Приоритет верификации	Скорость vs Точность (риск публикации непроверенных данных ради спасения жизней)	Достоверность vs Полнота (вероятность утаивания информации, «туман войны»)
Технологический инструментарий	Агрегаторы соцсетей, краудсорсинг, спутниковая связь	Защищенные мессенджеры, VPN, работа через «фиксеров»
Основной этический вызов	Не навредить паникой, защита приватности жертв	Сохранение независимости суждений, избегание пропагандистских штампов
Роль журналиста	Диспетчер информации, координатор помощи	Аналитик, свидетель, исследователь

Как следует из сравнительного анализа, стратегии работы существенно различаются в зависимости от степени контроля над информационным полем. В модели «хаоса» главная задача – структурировать поток данных; в варианте «контроля» – пробиться сквозь фильтры цензуры и пропаганды.

На основании проведенного анализа представляется уместным сформулировать ряд практических рекомендаций, которые ориентированы на повышение устойчивости медиасистем в условиях ЧС:

Так, редакциям необходимо отойти от практики инструктажей «на бегу». Требуется внедрение регулярных тренингов по протоколам HEFAT (Hostile Environment and First Aid Training), включающих как медицину, так и цифровую безопасность. Целесообразно создание «тревожных чемоданов» в физическом и в цифровом смысле (набор предустановленного ПО, офлайн-карты, защищенные каналы связи).

Значимым видится внедрение в редакционную практику обязательных процедур дебрифинга и ротации кадров, работающих с токсичным контентом. Важно легитимизировать обращение за психологической помощью внутри профессионального сообщества, разрушая стигму «слабого репортера».

Еще одно предложение касается создания внутриредакционных «чек-листов» для проверки информации в условиях цейтнота, базирующихся на инструментах OSINT. Это поможет смягчить риск непреднамеренной дезинформации.

В освещении ЧС рекомендуется смещать фокус с простой фиксации ужасов на поиск решений. Это снижает уровень травматизации аудитории, укрепляет практическую полезность медиа.

Заключение

Журналистика чрезвычайных ситуаций преобразовалась в сложную, высокотехнологичную, рискогенную сферу деятельности. Она требует от профессионалов не рядовых навыков написания текстов, а компетенций в области анализа данных, психологии. Привычные методы работы в условиях современных кризисов нередко оказываются несостоятельными без интеграции с новыми digital-инструментами верификации и строгими протоколами безопасности.

Ключевой проблемой остается противоречие между необходимостью оперативного информирования общества и рисками (физическими, психологическими, репутационными), которые сопряжены с работой в экстремальных условиях. Статистика

потерь среди журналистов и рост числа случаев ПТСР указывают на то, что существующие механизмы защиты требуют качественного пересмотра на уровне международных стандартов и редакционных политик.

Перспективы дальнейших изысканий в анализируемой области, по всей видимости, лежат в плоскости изучения влияния искусственного интеллекта на процессы верификации контента в реальном времени; в анализе долгосрочных психологических последствий для медиарботников. В конечном счете, способность журналистики приспособливаться к режиму перманентной чрезвычайной ситуации определит как судьбу самой профессии, так и качество информационной среды, от которой напрямую зависит безопасность общества.

Список литературы:

1. Андреев, В.П. Технологии экстремальной робототехники для экстремальной журналистики и вопросы подготовки кадров / В.П. Андреев, А.К. Дениева, С.В. Кувшинов, О.Н. Раев // Мир техники кино. – 2023. – Т. 17. – № 2. – С. 13-20.
2. Афанасьев, А.А. Журналистика чрезвычайных ситуаций: медиаосвещение лесного пожара в поселке Найстенъярви Республики Карелия / А.А. Афанасьев // Филологические исследования. Сборник научных статей. – Петрозаводск: 2025. – С. 90-102.
3. Бычкова, А.В. Специфика работы журналиста в чрезвычайных ситуациях / А.В. Бычкова, О.В. Павенков // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2023. – Т. 14. – № 4 (61). – С. 212-216.
4. Винокуров, В.А. Национальная безопасность, чрезвычайная ситуация и информационная катастрофа: соотношение понятий / В.А. Винокуров, М.С. Кузнецов // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 9 (237). – С. 125-129.
5. Денисова, И.Н. Особенности работы отечественных операторов в ходе вооруженных конфликтов / И.Н. Денисова // Меди@льманах. – 2023. – № 5 (118). – С. 32-42.
6. Кумирова, К.А. Профессионально-прикладная физическая подготовка будущих журналистов к действиям в экстремальных ситуациях / К.А. Кумирова, М.А. Правдов // Обзор педагогических исследований. – 2022. – Т. 4. – № 2. – С. 90-95.
7. Новожилов, В. Экстремальной журналистике необходимо учиться / В. Новожилов // Человек и закон. – 2022. – № 8. – С. 40-44.
8. Цзянь, Ч. Работа журналиста в чрезвычайной ситуации / Ч. Цзянь, Ю. Дун // Успехи гуманитарных наук. – 2021. – № 10. – С. 237-239.
9. Чжоу, Ш. Дискурсивное пространство новых медиа в чрезвычайных ситуациях / Ш. Чжоу // Litera. – 2024. – № 12. – С. 192-201.
10. Gutiérrez, B. IBERO Protocol: A Multi-agency Coordination Framework for the Tactical Emergency Casualty Care Spanish System / B. Gutiérrez, I. Aguayo, B. García // Prehospital and Disaster Medicine. – 2023. – No. 38(S1). – Pp. 5-6.

References:

1. Andreev V.P., Denieva A.K., Kuvshinov S.V., Raev O.N. Extreme robotics technologies for extreme journalism and issues of personnel training. World of Film Technology. 2023; Vol. 17, No. 2: 13–20. (In Russ.).

2. Afanasyev A.A. Emergency journalism: media coverage of a forest fire in the settlement of Naystenjärvi, Republic of Karelia. In: *Philological Studies. Collection of Scientific Articles*. Petrozavodsk; 2025: 90–102. (In Russ.).
3. Bychkova A.V., Pavenkov O.V. Specific features of journalists' work in emergency situations. *Scientific Works of the North-West Institute of Management of RANEPА*. 2023; Vol. 14, No. 4(61): 212–216. (In Russ.).
4. Vinokurov V.A., Kuznetsov M.S. National security, emergency situation, and information catastrophe: correlation of concepts. *Law and State: Theory and Practice*. 2024; No. 9(237): 125–129. (In Russ.).
5. Denisova I.N. Specific features of the work of domestic camera operators during armed conflicts. *Medi@lmanac*. 2023; No. 5(118): 32–42. (In Russ.).
6. Kumirova K.A., Pravdov M.A. Professionally applied physical training of future journalists for actions in extreme situations. *Review of Pedagogical Research*. 2022; Vol. 4, No. 2: 90–95. (In Russ.).
7. Novozhilov V. Extreme journalism requires specialized training. *Man and Law*. 2022; No. 8: 40–44. (In Russ.).
8. Jian C., Dong Y. Journalists' work in emergency situations. *Advances in the Humanities*. 2021; No. 10: 237–239. (In Russ.).
9. Zhou S. Discursive space of new media in emergency situations. *Litera*. 2024; No. 12: 192–201. (In Russ.).
10. Gutiérrez B., Aguayo I., García B. IBERO Protocol: A multi-agency coordination framework for the tactical emergency casualty care Spanish system. *Prehospital and Disaster Medicine*. 2023; No. 38(S1): 5–6.